

Александр
ГОРОДНИЦКИЙ

Легендарный
бард

А. Городницкий

Александр
ГОРОДНИЦКИЙ

**Новые
СТИХИ
и ПЕСНИ**

Якорь

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г70

В коллаже на обложке использованы фотографии:
vrihu, Undrey, dimbar76 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Редакция благодарит художника *Бориса Житовского*
за предоставленный портрет А. М. Городницкого (2015 г.)

Дизайн внутреннего оформления *Сергея Курбатова*

Городницкий, Александр Моисеевич.
Г70 Новые стихи и песни / Александр Городницкий. —
Москва : Изд-во «Эксмо», Изд-во «Яуза», Изд-во «Якорь»,
2017. — 416 с. — (А. Городницкий. Легендарный бард).

ISBN 978-5-699-92275-8

«Севастополь останется русским», «Родство по слову», «Ленинградские дети рисуют войну», «Вспомним блокадные скорбные были...», «Давайте верить в чудеса» — в эту книгу вошли 500 новых стихов и песен Александра Городницкого, последние из которых датированы 2016 годом.

Живой классик, чье имя стоит в одном ряду с Высоцким, Окуджавой, Галичем, Визбором;

Знаменитый бард, чья песня «Атланты держат небо» стала неофициальным гимном Санкт-Петербурга;

Поэт, еще в начале века предсказавший: *«Лихие наступают времена. / Русь, как пружина, сжата до отказа. / Все будет вновь: Ливонская война / И покоренье Крыма и Кавказа...»* — Александр Городницкий продолжает писать новые стихи и песни.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-92275-8

© Городницкий А.М., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Якорь», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

РОДСТВО ПО СЛОВУ

(1998–2002)

«Зачем тебе о Пушкине писать?
Приумножая буквенные знаки,
О нем сегодня вспоминает всякий, —
Сказал мне Кушнер. — У тебя же статья
Особая, и, значит, нужды нет
Чужим шаблонам следовать заранее,
Поскольку ты единственный поэт,
Который погружался в океане,
Где Атлантиды видел ты следы,
Подводный мир, на этот непохожий».
И вспомнил я, как ощущая кожей
Пятикилометровый слой воды,
На дно я погружался, приумножив
Ныряльщиков отважные ряды.
В зеленую проваливаясь бездну,
Где полумрак колеблющийся мглист,
Наш аппарат титаново-железный,
Вращался при падении, как лист.
Планктонной вьюги снежные порывы
Взлетали вверх в светящемся окне,
Глубинные невиданные рыбы
В глаза в упор заглядывали мне,
И опьянял, увиденный впервые
Подводной темноты круговорот.
«Для новичков опасна эйфория» —
Предупреждал меня второй пилот.
То жарким потом обдавало тело,
То холодом охватывало вдруг,
И солнце ослепительно блестело,
Когда, поднявшись, мы открыли люк.

И билось сердце гулко и тревожно
Под небом, что подарено опять.
Все это было чувствовать возможно,
Но было невозможно описать.

1998

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Памяти моей незабвенной учительницы
Ларисы Михайловны Львовой*

В прошлое заглядывая хмуро,
Вспомню, забывая про дела,
Педагога, что литературу
В нашем классе некогда вела.
Тот предмет, которому учила,
Полюбила с юности она
И от этой, видимо, причины
Коротала жизнь свою одна.
Внешним видом занималась мало,
На уроках куталась в пальто
И меня от прочих отличала,
Сам уже не ведаю за что.
Но судьба любимчиков капризна
И в итоге неизменно зла.
«Пушкин однолюбом был по жизни», —
Как-то раз она произнесла.
«Пушкин был по жизни однолюбом».
И, примерный прежде ученик,
Засмеялся громко я и грубо,
Ибо знал, наверное, из книг
Вульфа, Вересаева и прочих,
Их прочтя с прилежностью большой,
Что не так уж был и непорочен
Африканец с русскою душой.
Помнится, имевшая огласку,
В дневнике михайловском строка,
Дескать: «Я надеюсь, что на Пасху...» —
Далее по тексту дневника.
Гнев ее внезапный был прекрасен,
Голос по-девически высок:

«Городничкий, встаньте. Вон из класса.
Двойка за сегодняшний урок!»
И еще ушам своим не веря,
Получивший яростный отлуп,
Снова я услышал из-за двери:
«Пушкин был по жизни однолюб.
Женщин на пути его немало,
Но любовь всегда была одна.
В том, что не нашел он идеала,
Не его, наверное, вина».
Мне ее слова понятны стали
Через пятьдесят с лихвою лет.
Подмечаю новые детали,
Наблюдая пушкинский портрет:
Горькие трагические губы,
Сединою тронутая бровь.
Навсегда остался однолюбом —
Жизнью заплативший за любовь.

1998

7

РОДСТВО ПО СЛОВУ (1998–2002)

Когда слабеет звук и листья с веток хилых
Срываются, легки, в полете не вольны,
Я понимаю вдруг, что увязать не в силах
Мелодию строки с мелодией струны.
Дрожит, напряжена, рифмованная строчка.
Приладишь к ней мотив, и оборвется нить, —
Она, как и струна, устроена непрочно,
Их, даже совместив, нельзя соединить.
Холодные ветра и метроном капели,
Берез багряный чад и опустевший луг.
Две птицы, что вчера согласно вместе пели,
Наохлившись, молчат и просятся из рук.
Напрасно день за днем от них чего-то жду я,
Надеясь на любовь капризных этих муз,
С которыми живем, то яростно враждуя,
То заключая вновь обманчивый союз.

1998

НЕ ВЫПРАШИВАЙ У БОГА

(песня)

Не выпрашивай у Бога дальние края,
Трап скрипучий под ногою, обыски таможен.
Белой скатертью дорога горькая твоя
Завивается пургою, кончиться не может.
Над заморскою столицей серый воздух мглист.
Не пьянит хмельное зелье в скляночках красивых.
Память прошлого кружится, словно желтый лист,
Долго падает на землю и упасть не в силах.

Оседлай попутный ветер, но не позабудь:
Будешь вечно ты грести к берегу другому.
И тебе уже до смерти не закончить путь,
Потому что ты в пути, если ты не дома.
Хоть везде растут березы — не в березе суть, —
Песни старенькой мотив где теперь отыщем?
Для чего, глотая слезы, плыть куда-нибудь,
Где, и деньги ухватив, остаешься нищим?

Будешь стариться, лысея, меж забот и дел,
Но от боли не излечат вены да парижы.
Ах, земля моя Расея — черный беспредел,
От тебя я чем далече, тем к тебе я ближе.
Не выпрашивай у Бога дальние края,
Трап скрипучий под ногою, обыски таможен.
Белой скатертью дорога горькая твоя
Завивается пургою, кончиться не может.

1998

РУССКИЙ ЯЗЫК

И в самолет войдя «Аэрофлота»,
Услышав непривычные пока,
Опознанные с полуоборота
Созвучия родного языка,
Вздыхаешь облегченно от сознания,
Что ими мир наполнен, наконец, —

Так переводит радостно дыханье
На берег воротившийся пловец.
Ах, Родина, которой нет прощенья
За черноту ее кровавых дел!
Все будет после: горечь возвращенья,
И тягостный российский беспредел.
Но школьную припоминая фразу:
«Не может быть, чтобы такой язык...»,
Ты все грехи ей отпускаешь сразу
За этот не продляющийся миг.

1998

КРОНБЕРГ

В Кронбергском замке бездонные рвы,
Между бойницами мерзлой травы
Льдистая корка.
Темно-зеленая, словно руда,
От Гельсиньера гуляет вода
До Гельсинборга.
Тяжеловесный минуя карниз,
Чайка Офелией падает вниз.
Ров атакуя.
Тучи над Зундом струятся, как дым.
Призракам разве приволье одним
В пору такую.
В давние мифы не веруя впредь,
Самое время на замок смотреть,
Век свой итожа.
Занят другими проблемами мир.
Не было Гамлета, да и Шекспир
Выдуман тоже.
Но по российской и датской земле,
С вечною думой на скорбном челе,
В холод и темень,
Изобличить не успев подлецов,
Бродят загубленных наших отцов
Горькие тени.

1998

БИАРРИЦ

Над полосатыми скалами Биаррица,
В стране непокорных басков, что издавна знаменита,
Франко-испанской границей
Раздвоенная как копыто.
Над полосатыми скалами Биаррица,
Во дворце, построенном Наполеоном Третьим
Для себя самого и императрицы
Евгении, присутствующей на портрете,
В пятизвездном отеле, затянутом шелком телесным,
Где комфорт неизменно монументален,
И по утрам к вам в номер вкатывают тележку
Со сладким французским завтраком,
именуемым «Континенталем»,
Вспоминается странное: школьная парта,
Проигравший в рулетку имение некто,
«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», —
Работа Маркса, рекомендованная для конспекта.
И когда догорает за окнами спальни
Атлантических волн соленое пламя,
Облачаясь неспешно в халат купальный
С императорскими вензелями,
И взирая, как солнца розовый пудинг
В остывающем плавится океане,
Понимаешь твердо — уже не будет
Ни жизни другой, ни воспоминаний.

1998

ЦЕРКОВЬ В БИАРРИЦЕ

Православная церковь поставлена Саввой Морозовым
На краю Биаррица, в пейзаже его светло-розовом,
В серо-каменном стиле былых византийских времен.
Две старухи в платках, завсегда таи этой обители,
И монашенка в черном — дневной литургии любители,
Вслед за дьяконом тянут четырехголосый канон.
За церковной стеной мерседесы летят с лимузинами,
Магазины курортные манят прохожих витринами,

Как коньяк пятизвездный сияет, напротив отель.
А внутри тишина. Дуновением слабым влекомая,
Догорает свеча под неяркою старой иконою,
И на пол деревянный ложится неровная тень.
Здесь бывал, вероятно, Набоков, но это сомнительно, —
Он ведь был атеистом. Другие досужие зрители
На экскурсии только порой забредают сюда.
Их влекут казино со своей знаменитой рулеткою
И прибрежные пляжи, где в пору сезонную летнюю
На приливной волне голоногая скачет орда.
Новых русских сюда не затянешь, а старые вымерли,
Не успевши при жизни у Господа Родину вымолить.
Стал квартетом теперь многолюдный отлаженный хор.
Превратится он в трио, в дуэт превратится он, в соло ли?
И в последнее море, которое горько и солоно,
Погружается солнце, катясь с католических гор.

1998

Разнимать не спешите сплетенные руки, —
Над осенней Европой стоят холода.
В Амстердаме дожди, и туман в Оснабрюке.
Непрозрачная стынет в каналах вода.
И летят журавли над водою проточной,
Исчезая за краем французской земли,
Где вдогонку им мельница машет платочком,
Словно рыцарю вслед на рисунке Дали.
Здесь в гостинице старой с морозным узором
На стекле и скрипучей петлею дверной
Мы ночуем напротив «Ночного дозора»,
Что сокрыт за кирпичною красной стеной.
И округа, что травкой дурманящей дышит,
Городские коллажи несет надо мной,
Словно катер стеклянный с прозрачною крышей,
Что кружит по каналам порою дневной.
Здесь начало любви и конец ее близкий,
И твоя голова у меня на плече
Нереальна и призрачна, как одалиски,
Что колышутся плавно в неярком луче.

1998

ВОСПОМИНАНИЕ

Сочится медленно, как струйка,
С клубка уроненная нить.
Соседка умерла, «буржуйку»
Уже не в силах погасить.
Огонь был вялый — еле-еле,
И не дошло бы до беды, —
Его бы загасить успели,
Да только не было воды,
Которую тогда таскали
Из дальней проруби с Невы.
Метель могла еще вначале
Пожар запудрить, но увы!
Три дня неспешно на морозе
Горел пятиэтажный дом.
В стихах сегодняшних и прозе
Припоминаю я с трудом
Ту зиму черную блокады,
Паек, урезанный на треть,
И надпись, звавшую с плаката
Не отступить и умереть.
Но спрятавшись под одеяло,
Я ночью чувствую опять,
Что снова дом мой тлеет вяло,
И снова некуда бежать.

1998

От свободы недолгой устали мы,
Не сумевшие жить без царя.
Снова тюрьмы полны, как при Сталине,
И этапы идут в лагерья.
Вьются скорые пыльными лентами,
На решетку в окне посмотри.
Были прежде и мы диссидентами,
А теперь подались в блатари.
И опять под дырявою кровлею
На две части поделен народ:
Кто на нарах лежит обескровленный,
Кто в охране стоит у ворот.

Жить иначе всегда не умели мы,
И на лоб заработав тавро,
Все за Стеньками шли да Емелями,
На распыл обрекая добро.
Воровская, варнацкая, ссыльная,
Все гуляет да плачется Русь,
Ну, а в чем сторона ее сильная,
Я другим объяснить не берусь.

1998

Клены горбятся понуро,
Ветки бьются о стекло.
Что минуло, то минуло,
Устаканилось, прошло.
Я на север нелюдимый
Улетал, покуда мог,
Над дрейфующею льдиной
Зябкий теплил огонек.
Страх, под пьяным стоя дулом,
Не выказывал врагу,
Стал от тяжестей сутулым,
Спал на шкурах и снегу.
Ветки желтые рябины,
Спирта синего напалм.
Я палил из карабина, —
Слава Богу, не попал.
Я на рею, горд безмерно,
В качку лез, полунагой,
В припортовую таверну
Дверь распахивал ногой,
В океанские глубины
Погружался и всплывал,
А тогда из карабина
Слава Богу, не попал.
Я искал лихие рифмы,
И любил неверных жен,
Я коралловые рифы
Расковыривал ножом.
Звезд подводные рубины
Добывая, вспоминал,

Что, паля из карабина,
Слава Богу, не попал.
Облаков седая грива,
И осеннее пальто.
Я судьбе своей счастливой
Благодарен не за то,
Что подруг ласкал любимых,
Что не слишком век мой мал:
Что, паля из карабина,
Слава Богу, не попал.

1998

Ностальгией позднею охвачен,
О своей задумавшись судьбе,
Вспоминаю реку Горбичин,
Вспоминаю реку Кулюмбе,
Где когда-то мы сидели вместе
С экспедиционным багажом,
И скрипела банка желтой жести
Под тупым охотничьим ножом.
Комары над ухом пели тонко,
Пережат шумел невдалеке,
Плавилась китайская тушенка
В закопченном черном котелке.
На стене висит теперь кинжал сей,
Снятый с сыромятного ремня.
Я один на свете задержался
Из троих, сидевших у огня.
К темному прислушиваясь гуду,
Талым снегом спирт не разведу,
Никогда теперь уже не буду
В том незабываемом году,
Где в одежде латаной казенной,
В золоченом гнусе и пыли,
Мы шагали дружно к горизонту,
Небо отделяя от земли.

1998

Горькую водку забвения пьем на поминках,
Припоминая минувшее время иное.
Молодость наша — как хроника вымерших инков,
Не сохранивших свое продолженье земное.
Наши романы и наши кипучие ссоры,
Наша весна и короткое пыльное лето, —
Все позабыто. Из дома не вынесешь сора:
Дом развалился, его обитателей нету.
Страсть примирений, обиды былых нареканий.
Завтрашний день угадать невозможно заране.
Крепче тогда обхвати мы друг друга руками,
И не случилось бы этих пустот и зияний.
На желтизне потерявшего кудри затылка
Все ощутимей дыхание времени злое.
Женщины, прежде меня обнимавшие пылко,
Спят непробудно, обнявшись с сырою землею.
Несуществующих снова их вижу воочью,
И распадаются жизни непрочные звенья
В пору, когда, пробудившись, я чувствую ночью
Их леденящие нежные прикосновенья.

1998

Олегу Сорохтину

Что мы знаем о прошлом, не ведая мнений иных,
Перед алгеброй строгой теперь, как и прежде, младенцы?
Оказались подделкою повести лет временных,
Что Петру перепродали ушлые прусские немцы.
Академик Фоменко, бывлые спрессуй времена,
Чтобы правдой сменилась выдавшая виды неправда!
Куликовская битва на площади Ногина,
Где с Москвою-рекою сливается речка Непрядва,
Неизменно кончается общим пожаром Москвы
И отходом поляков по Старой Смоленской дороге.
Храм Христа восстановлен, и наши хазарские боги
Вслед за статуей Ленина канули в Лету, увы.
Там другие цари, и иначе стоят города.
Снова справа налево листается древняя книга.